

ЛИТЕРАТУРНО – КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС С ПОЗИЦИЙ АРГУМЕНТАЦИИ И РИТОРИКИ

© 2008 Р.В.Перов

Самарский государственный педагогический университет

В статье рассматривается реализация аргументации как одной из основных функций литературно-критического дискурса. Аргументация представлена как особый макротип речевого акта в совокупности различных субдискурсов. Автор проводит анализ риторических отношений, в которые вступают друг с другом аргумент-зачин и аргумент-реплика (как дискурсивные единицы) с позиций теории риторической структуры, выявляя особый характер связи между единицами литературно-критического дискурса.

В рамках настоящей статьи нас интересует реализация аргументативной функции литературно-критического дискурса как явления риторики. Целью настоящей работы является типологизация аргументативно-риторической семантики аргумента-зачина как ядра бинарного конструкта и, одновременно, формализация ядра в плане его синтагматической свернутости / развернутости.

В достаточно обширной литературе по аргументации, имеющейся сегодня, даются различные подходы к исследованию данного явления. Все их условно можно разделить на философские, риторические и лингвистические. Согласно Аристотелю, языковая форма аргументации находится в непосредственной зависимости от слушателя¹. Анализ этой зависимости лежит в основе лингвистических подходов к аргументации, среди которых особое место занимает прагматическая теория аргументации, разработанная Ф.Ван Еемереном и Р.Гроотендорстом. Авторы данной теории рассматривают аргументацию как явление вербальной коммуникации, которое должно быть изучено как специальная форма (mode) дискурса, характеризующаяся использованием языковых средств для разрешения разногласия мнений. В процессе аргументации авторы данной теории различают четыре стадии, которые, в свою очередь, соответствуют четырем этапам аргументативного дискурса².

Открывает процесс аргументации стадия конфронтации («confrontation stage»), на которой разногласие мнений представлено оппозицией между точкой зрения и ее неприятием. В аргументативном дискурсе эта стадия соответствует этапу, на котором возникает несогласие по выдвинутой точке зрения, столкновение двух противоположных мнений. На исходной стадии («opening stage») выявляются антагонист и протагонист, определяются их задачи в процессе аргументации. Наконец, решающим моментом процесса аргументации является стадия аргументации («argumentation stage»), на которой протагонист защищает свою точку зрения против критических выпадов антагониста. В дискурсе эта стадия соответствует этапу, на котором одна сторона приводит аргументы, для того, чтобы развеять сомнения противоположной стороны, последняя, в свою очередь, противостоит этим аргументам. Завершает аргументацию заключительная стадия («concluding stage»), на которой протагонист и антагонист делают выводы о том, была ли точка зрения протагониста успешно защищена от критических доводов антагониста. В аргументативном дискурсе эта стадия соответствует этапу, на котором стороны делают выводы о результатах и попытках разрешить разногласия, подводят итоги.

Вслед за А.Н.Барановым и В.М.Сергеевым, мы определяем аргументацию как «комплекс вербально реализованных когнитивных процедур обработки знания, приво-

¹ Аристотель. О душе. – М.: 1978.

² Eemeren van F.H. Fundamentals of Argumentation Theory. A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments / van F.H. Eemeren,

R.Grootendorst. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1996. – P. 281 – 283.

дящих к изменению его онтологического статуса в модели мира адресата и тем самым реально и в перспективе влияющих на процесс принятия решений»³. Когнитивная цель аргументирования, по нашему мнению, передается через иллокутивные речевые акты, репрезентирующие тезисы и аргументы. С точки зрения целей и задач лингвистического исследования, весьма существенно, какими типами речевых актов может выражаться когнитивная нацеленность аргументации. Ф.Ван Еемерен и Р.Гроотендорст установили, что в процессе аргументирования используются, согласно классификации Дж.Серля⁴, пять типов речевых актов, среди которых существенную роль все же играют такие речевые акты, как ассертивы, комиссивы и директивы.

Известно, что в зависимости от коммуникативных целей и критериев оценки исследователи⁵ выделяют следующие формы (субдискурсы – в нашем понимании) аргументации:

1) теоретический дискурс, затрагивающий когнитивно-инструментальные высказывания и имеющий целью установить истинность суждений, направлен на действенность телеологически осмысленных действий;

2) практический дискурс, тематизирующий нормативную правильность, высказывания в нем имеют морально-практический характер, а цель его – доказательство правильности норм действия;

3) эстетическая критика, с ее оценочными высказываниями, в центре внимания которых – уместность стандартов ценностей;

4) терапевтическая критика, пользующаяся экспрессивными высказываниями и стремящаяся установить правдоподобие выразительных средств;

5) объясняющий дискурс, нацеленный на понятность и правильнооформленность символических конструтов.

Очевидно, для каждого из этих видов должна существовать и свои мера эффектив-

ности, действенности и адекватности аргументации.

В названной концепции основной упор делается на оценку внедренности в сознание адресата (становящегося тем самым реципиентом) тех или иных воззрений, ранее ему не свойственных или даже противоположных его убеждениям. Таким образом, английский литературно-критический дискурс, как сложное дискурсивное образование, и аргументативный дискурс, как его составляющее, являются дискурсами насилия.

Связь между таким внедрением и речевыми приемами воздействия при аргументации в последнее время пытаются моделировать – в рамках теории речевых актов – с помощью понятия иллокутивного акта. Так, К.Морик⁶ определяет аргументирование как иллокутивный акт, реализуемый только при помощи последовательности более простых актов – утверждений, обоснований и резюмирования, причем два последних вида, в свою очередь, сводятся к использованию защищаемых или опровергаемых в речи констатаций. Очевидно тогда, что оценка эффективности должна вобрать в себя и уместность, удачность конкретной последовательности речевых актов. Возможно, эта оценка не ограничивается простым соположением элементарных актов в данную конфигурацию, но еще должна отражать и удаленность констатации от убеждений, царящих в данный момент в сознании реципиента.

В теории риторической структуры (TRC), созданной в 1980-е годы У.Манном и С.Томпсон⁷, был предложен единый подход к описанию макро- и микроструктуры дискурса. TRC основана на предположении о том, что любая единица дискурса связана хотя бы с одной другой единицей данного дискурса посредством некоторой осмысленной связи. Такие связи называются риторическими отношениями. Термин «риторические» не имеет принципиального значения, а лишь указывает

³ Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов-на-Дону: 1993. – С. 14.

⁴ Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 170 – 194.

⁵ Habermas J. 1981 Theorie des kommunikativen Handelns: Bd.1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. – F.M.: Suhrkamp, 1981. – P. 5.

⁶ Morik K. Überzeugungssysteme der Künstlichen Intelligenz: Validierung vor dem Hintergrund linguistischer Theorien über implizite Äusserungen. – Tübingen: Niemeyer, 1982.

⁷ Mann William, Matthiessen Christian and Thompson Sandra A. Rhetorical Structure Theory and Text Analysis // Discourse Description. – Amsterdam, 1992. – P. 39 – 78.

на то, что каждая единица дискурса существует не сама по себе, а добавляется говорящим к некоторой другой для достижения определенной цели. Единицы дискурса, вступающие в риторические отношения, могут быть самого различного объема – от максимальных (непосредственные составляющие целого дискурса) до минимальных (отдельные клаузы). Дискурс устроен иерархически, и для всех уровней иерархии используются одни и те же риторические отношения. В число риторических отношений (всего их более двух десятков) входят такие, как последовательность, причина, условие, уступка, конъюнкция, развитие, фон, цель, альтернатива и др. Дискурсивная единица, вступающая в риторическое отношение, может играть в нем роль ядра либо сателлита. Большая часть отношений асимметричны и бинарны, т.е. содержат ядро и сателлит. Два типа риторических отношений напоминают противопоставление между подчинением и сочинением, а список риторических отношений типа «ядро – сателлит» похож на традиционный список типов обстоятельственных придаточных предложений. Это неудивительно – фактически ТРС распространяет типологию семантико-синтаксических отношений между клаузами на отношения в дискурсе. Для ТРС несущественно, каким именно образом выражено данное отношение и соединяет ли оно независимые предложения или группы предложений. В ТРС разработан формализм, позволяющий представлять дискурс в виде сетей дискурсивных единиц и риторических отношений. Авторы ТРС специально подчеркивают возможность альтернативных трактовок одного и того же текста. Иначе говоря, для одного и того же текста может быть построен более чем один граф (представление в виде точек-узлов, связанных дугами-отношениями) риторической структуры, и это не рассматривается как дефект данного подхода. Действительно, попытки применения ТРС к анализу реальных текстов демонстрируют множественность решений. Тем не менее, эта множественность ограничена. К тому же принципиальная возможность различных трактовок не противоречит реальным процессам использования языка, а, напротив, вполне им соответствует.

Опыт построения моделей аргументации в рамках критического дискурса позволяет сделать вывод, что в аргументации используются следующие виды знаний (обязательные как для аргументатора, так и для реципиента): 1) знание содержательной области; 2) знание того, как следует рассуждать (и, наоборот, как рассуждать нелогично); 3) знание того, как можно аргументировать, – в противоположность бесперспективным путям воздействия на логику другого⁸.

Именно третий вид знаний приводит нас к стратегиям и тактикам проведения аргументации, что в итоге предопределяется тем, хотим ли мы чего-либо добиться (кроме внутреннего самоуспокоения по поводу своего мнения) или же мы и на самом деле заинтересованы в изменении чужого мнения: адресата (которого нам хотелось бы привлечь на свою сторону), присутствующую аудиторию (возможно, даже рискуя завоевать неприязнь адресата) – или и то, и другое. Поскольку стратегии и используемые для их реализации тактики варьируются по ходу общения, когда мы пытаемся максимально использовать постоянно меняющиеся обстоятельства, вряд ли можно согласиться с тем положением⁹, что каждое суждение в речи обладает фиксированной аргументативной задачей, представляя фиксированный же тип аргументации, выявляемый из его логико-семантического типа («логической формы»), комбинации семантических свойств его, приводящих к возможности или невозможности использовать суждения в рамках вполне определенного типа аргумента. Об «аргументативной значимости» пропозиции, на наш взгляд, можно говорить только в рамках конкретной интерпретации всего хода беседы с аргументативными эпизодами, даваемой конкретным интерпретатором в конкретных же обстоятельствах.

⁸ *Flowers M., McGuire R., Birnbaum L.* Adversary arguments and the logic of personal attacks // W.G. Lehnert, M.H. Ringle eds. *Strategies for natural language processing.* – Hillsdale (N.J.); L.: Erlbaum, 1982. – P. 275 – 294.

⁹ *Rossipal H.* Argumentationswert und Interaktionswert von Sprechakten und Textakten // I. Rosengren ed. *Sprache und Pragmatik: Lunder Symposium 1982.* – Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1983. P. 373 – 420.

Мы рассматриваем аргументацию, как особый макротип речевого акта, имеющий свою иллокутивную цель – повлиять на выбор адресата в процессе принятия им решений.

В настоящем исследовании аргументация как макроречевой акт имеет сложную внутреннюю структуру, которая включает: а) тезис аргументации (или, в другой терминологии, точку зрения), что само по себе является исполнением речевого акта (он содержит пропозицию 1 и иллокутивную силу 1); и б) доводы в пользу тезиса, что также является исполнением единичных, т.е. простых речевых актов (они содержат пропозиции 2,3, ... n и иллокутивные силы 2,3, ... n). Совокупность пропозиции 1 и пропозиций 2,3, ... n составляет сложную пропозицию, или макропропозицию речевого акта аргументации. В свою очередь, иллокутивная сила 1 вместе с иллокутивными силами 2,3, ... n представляют собой совокупную иллокутивную силу, которая только и может быть описана как иллокутивная сила аргументации. Рассмотрим пример:

From the opening of the novel *Carrie* has, in fact, been instinctively aware of the mechanism of success. Dreiser calls her a 'little soldier of fortune', and that is literally what she is, an adventuress with an instinctive eye to the main chance, as undistracted by sex, or love, as by moral scruples.

The light humorists get too much pleasure out of educated periphrasis and self-congratulatory club wit. These lead inevitably to heavy prose. || *Jerome escaped the danger*. (1) His prose is clear and simple. (2) It muses on like some quiet, ironical tune played on a malicious whistle. (3) He is free from the journalistic vice of exhibitionism and frantic juggling with bright ideas. (4) He is a very economical writer. (5) In anecdote, he is a master of leading the reader on quietly and then rushing in a line that suddenly makes the joke take to the air and go mad. (6) ||

При анализе контекста в этом примере в терминах теории речевых актов мы имеем шесть речевых актов и, соответственно, шесть пропозиций и шесть иллокутивных сил, в данном случае – ассертивные, представляющие собой утверждения. Ни один из речевых актов, взятый в отдельности, не имеет иллокутивной силы аргументации. Ни один из них – в отдельности не направлен на достижение перлокутивного эффекта убеж-

дения. Однако, при анализе данного речевого отрезка в целом, мы можем интерпретировать первый речевой акт как тезис аргументации, имеющий пропозициональное содержание «Jerome escaped the danger of heavy prose», а оставшиеся речевые акты (2), (3), (4), (5), (6) – как доводы в пользу справедливости данного утверждения, имеющие соответствующие пропозиции. Причем, речевой акт (5) может рассматриваться в качестве самостоятельного тезиса-вложения, а акт (6) соответственно, в качестве довода. То есть мы можем представить данный отрывок формулой $O + S1+S2+S3+S4+S5+S6$, либо $E = (O1+S1+S2+S3+S4) + (O2+S6)$. Где E – общий перлокутивный эффект, а O2 является S5.

Как и любой элементарный речевой акт, речевой акт аргументации имеет свои условия успешности, которые А.Н.Баранов и В.М.Сергеев описали следующим образом:

- 1) «говорящий выдвигает точку зрения O;
- 2) говорящий выдвигает утверждения $S1, S2 \dots Sn$, в которых выражены пропозиции (условия пропозиционального содержания);
- 3) выдвижение утверждений $S1, S2, \dots Sn$ считается попыткой говорящего обосновать точку зрения O удовлетворительно для слушающего, т.е. убедить слушающего в приемлемости O (существенное условие);
- 4) говорящий считает, что а) слушающий не принимает O; б) слушающий примет $S1, S2, \dots Sn$ в) слушающий примет $S1, S2, \dots Sn$ как обоснование O (предварительные условия);
- 5) говорящий считает, что а) O приемлемо; б) $S1, S2, \dots Sn$ приемлемы; в) $S1, S2, \dots Sn$ обосновывают O (условие искренности)»¹⁰.

Обратим внимание на то, что только совокупность пунктов (1) и (2) может быть описана как пропозициональное содержание речевых актов аргументации, включающее в себя пропозицию точки зрения и пропозиции аргументов. Важно отметить, что никакой отдельный речевой акт не может быть интерпретирован как точка зрения или аргумент; эти акты существуют только в диалектическом единстве. Поэтому мы говорим об аргументации как о макроречевом акте.

¹⁰ Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов-на-Дону: 1993. – С. 16

Какими характеристиками обладают составляющие акта аргументации? Точка зрения может представлять собой высказывание о будущем, оценочное суждение или суждение с модальным предикатом, т.е. такое, которое можно оценить лишь как приемлемое/неприемлемое. Использование термина «приемлемость» для описания тезиса вместо термина «истинность» – важный шаг от формально-логического описания аргументации в сторону ее лингвистического и аксиологического описания (ван Еемерен, 1992). Цель субъекта аргументации – не вывести истинное заключение из истинных посылок, а сделать точку зрения приемлемой (принятой), выдвигая приемлемые аргументы. В случае принятия точки зрения собеседника, второй участник коммуникации соглашается с ее справедливостью (верностью). Таким образом, «сделать точку зрения приемлемой» значит то же, что и «убедить оппонента». Аргументы в поддержку точки зрения могут иметь признаковую или причинную природу. В первом случае между пропозициями аргумента и точки зрения устанавливается отношение сопутствия или сосуществования. Аргумент представляет знак, признак или характеристику того, о чем утверждается в точке зрения, например:

Chapter Five, the meeting between Gatsby and Daisy, is at the precise center of the book (точка зрения). The scene is the most static in the novel (аргумент 1) It is, by design, timeless (аргумент 2) For a moment, after the confusion of the meeting, the rain, and his own doubts, Gatsby holds past and present together (аргумент 3)

Another of the large meanings to be found in the novel is the contrast between the American East and West (точка зрения). Briefly stated, Fitzgerald's 'fable' contrasts America's romantic Western past with her unromantic Eastern present (аргумент)

Во втором случае приемлемость аргумента переносится на точку зрения, когда между тем, что утверждается в аргументе и тем, что утверждается в точке зрения существует причинно-следственная связь. Такая связь возможна в двух направлениях: аргумент может выражать причину точки зрения, или же быть (достоверным) следствием, наводящим на признание точки зрения как при-

чины, например:

Here, if we like, is the birth of *evil* (точка зрения), since irresponsibility has become viciousness; and a will imposed on an animal has now turned in destructive violence on a fellow human being (аргумент)

Рассмотренные нами ранее макроречевые акты аргументации представляют собой случаи единичной аргументации, т.е. случаи, когда в поддержку точки зрения выдвигается один аргумент. Вместе с тем, в поддержку или против точки зрения часто выдвигается более одного аргумента, и способы их связи могут быть различны. В теории аргументации Ф.Ван Еемерена и Р.Гроотендорста описываются такие структуры аргументации, как множественная, сложносочиненная, сложноподчиненная¹¹. Множественная аргументация – это приведение нескольких равнозначных и независимых друг от друга аргументов в поддержку точки зрения, т.е. простая сумма единичных аргументов. Например:

The 'majesty of adult life' is a childish delusion. There is no essential difference between the island-world and the grown-up one. There too, order can be and has been overthrown; morality can be and has been inadequate to prevent wholesale destruction and savagery.

Кроме очевидности аргумента как основания для принятия довода активно используется апелляция к авторитету. По О.Дюкро¹², положение Р аргументируется при обращении к авторитету, если: 1) указывается, что Р уже констатировалось и могло стать объектом утверждения; 'The Great Gatsby' is Fitzgerald's best work, his most highly satisfactory novel. In recent years, it has been put forward by many critics as the best novel of Fitzgerald's generation. 2) соответствующий факт, как предполагает аргументатор, придает вес Р, поддерживая его.

Golding re-occupies R- M. Ballantyne's *Coral Island* and declares its portrayal of those idealized British boys, Jack, Ralph and Peterkin in their tropical paradise, to be a fake, since boys

¹¹ Eemeren van F.H. Fundamentals of Argumentation Theory. A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments / van F.H.Eemeren, R.Grootendorst. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1996. – P. 281 – 283.

¹² Ducrot O. 1973 – La preuve et dire. – P.: Mame, 1973. – С.12 – 14.

are human beings, and human beings are not like that. Or, rather, he does not 'declare', he shows the falsehood by producing an island and boys that are more convincing than Ballantyne's, and then gradually revealing what the difference implies.

Выделяются, по меньшей мере, две формы обращения к авторитету: полифоническая авторитетность и размышление в соответствии с авторитетом, причем обе формы могут комбинироваться между собой¹³. В первом случае говорящий как бы вводит в дискуссию еще один голос – еще одного незримого участника, который с этого момента становится гарантом еще одной точки зрения (на нее-то и предлагается опереться адресату), логически связанной с защищаемым или опровергаемым тезисом. Таким образом, полифоничным становится не только само общение, поскольку в него вмешиваются дополнительные действующие лица, но и тезис. Рассуждение же в соответствии с авторитетом в отличие от первого случая представляет собой форму демонстрации неуязвимости авторитета: таким образом, в этом случае, апеллируя к приписываемому кому-либо тезису, доказательство ведут, показывая, что этому авторитету вполне можно доверять¹⁴.

Таким образом, литературно-критический дискурс оказывается весьма емкой макроструктурой, поскольку интегрирует выше названные пять субдискурсов аргументации.

С позиций теории риторической структуры аргумент-зачин и аргумент-реплика (как дискурсивные единицы) вступают друг с другом в риторические отношения. В литературно-критическом дискурсе риторические связи между единицами приобретают особый характер. Во-первых, наблюдается максимальная асимметричность бинарного конструкта «ядро-спутник». Ядро оказывается определяющим составляющим. Во-вторых, составляющий спутник приобретает признаки открытой ремы (по аналогии ремы в конструкциях вопросительной коммуникативной целеустановки).

¹³ Ducrot O. 1973 – La preuve et dire. – P.: Mame, 1973. 12 – 14.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Иллюстративный источник. Mark Kinkead-Weekes and Ian Gregor William Golding A Critical Study. – London: Faber and Faber Limited, 1970. – P. 24, 33, 44.

¹⁶ Иллюстративный источник. Читайте больше дома. Пособие по домашнему чтению на англ. яз.: Учеб. пособие для студентов ин-тов и фак-тов иностр. яз. / Сост. Е.Я.Гроссман. — М.: Высш. шк., 1985. На англ. яз.

LITERARY CRITICAL DISCOURSE FROM THE POSITION OF ARGUMENTATION AND RHETORIC

© 2008 R.V.Perov

Samara state pedagogical university

The article deals with realization of the argument as one of the basic functions of a literary – critical discourse. The argument is considered as a special macrotype of the speech act in aggregate of various subdiscourses. The author carries out the analysis of rhetorical relations, which the argument – beginning and an argument – remark (as discourse units) enter with each other, from positions of the theory of rhetorical structure, revealing special character of connection between units of a literary – critical discourse.